

Следующий год подарил массу новых впечатлений. Okрепли тела, а вместе с ними и наши магические силы. Раньше, подобное считалось годным списать на погрешность, но чем больше была погрешность, тем сильнее она перерастала в закономерность и теоретическая прямая, на практике оказалась кривой вверх.

Все дело в том, что: «Резерв магической силы определяется с рождения и не может быть изменен».

Дословная цитата, о которую можно вытереть ноги. Зачем она только здесь если не нагонять больше жути?

Два водяных шара успешно превратились в три, а те в четыре и так далее с некой постоянной планкой. Колдовать, не переколдовать, так сказать. Мои собственные магические успехи были феноменальны. На четвертый год, со дня рождения я вышел на уровень, при котором не чувствовал затрат маны на водяные шары. Если производить аналогии с игрой, то кажется, мой уровень владения водяным шаром увеличился на максимум, а сам резерв маны расширился.

Только в течении дня я все ещё мог его опустошить... В отличии от братца.

Друг мой Рудэус, оказался человеком удачливым. Крайне везучий сукин сын. Сам он этого не показывал, но внешне светился, солнцу подобая. Его захлестнула гордость и ощущение превосходства.

Если моя система прогресса была линейной, то его — геометрической (по всей видимости).

Не знаю, много или мало у меня маны, никто циферку не скажет, но в общих прикидках сейчас у меня не больше семидесяти пяти процентов от резервов Рудэуса, а может и меньше. Со временем, этот показатель будет только расти из-за несправедливости мира, если только ничего не изменится.

Даже двум братьям, вышедшим из одного чрева, была уготовлена разная удача. Почему-то он с золотой, а я с серебряной ложкой.

Но, особо я не расстраивался и в ус дуть тоже не собирался. Ну подумаешь, резерв меньше брата, не в размере счастье! Главное умело им пользоваться!

Кстати о пользовании, я первый вышел на плато осознания, почему тот шар, что мы призываем не летит. Оказалось, дело в нашем представлении, которого не было. Даже читая арию нужно пожелать и мысленно придать направления и скорость снаряду. Мы же, как истуканы из пещеры с дубинками, били палки друг о друга и пытались тем самым найти огонь.

Ну, а дальше, были практики: «Боже-боже» от Зенит, когда мы спускались к ней все мокрые до нитки, и странные взгляды Лили, на все это действие. Пол не вышел из моей жизни и часто в ней мелькал, продолжая хвастаться всем чем только под руку попадет. Однажды, чуть подвыпив даже начал заливать о любимой женщине, притянув плечо Зенит, о том, как важно её защищать и защищать вообще всех женщин на свете.

В общем с ролью веселого отчима он справлялся на ура. Только бы шума поменьше от него. Однако, и эту проблему я решил комплексно. Вместо того, чтобы перерывать соитие родителей, все же взрослые люди, что хотят, то творят, я занимался самосовершенствованием. Создавал водяной шар, закручивал его и запускал с максимальной возможной скоростью. Получалась струя воды как из брандспойта. Водяная пушка, как я бы её назвал, спокойно резала камни и деревья. На человеке проверять смысла не было. Такое заклинание

выматывало сильнее обычного и потому, в свой сон я впадал очень быстро.

На рассвете очередного дня, я стоял перед мачехой.

— Я на улицу пойду, — получилось слишком чопорно. Впрочем, Зенит улыбнулась, присев на корточки. До этого она была занята деревом, что-то с него собирала.

— Нил, дорогой, а как же Руди? — склонив голову на бок, она прикрыла глаза в широкой улыбке.

— Он не хочет на улицу выходить, — и я был прав. Рудэус, как я не хотел перенести все занятия на улицу где-то подальше, ни в какую не желал выходить дальше порога дома, ну или сада мачехи.

— Нельзя его бросать одного, ему ведь будет грустно, — я понимал, о чем талдычит с беспокойством мне Зенит, но в то же время я был взрослым. Рудэус тоже был взрослым и точно не подумает о чем-то таком мелочном как: «Он пошел без меня — он меня покинул». Мать, я тебя умоляю, кто так вообще подумает?

— Но я хочу на улицу, — стукнув носком по земле, меня вновь одарили любезным взглядом. Мне очень уж хотелось опробовать заклинание на ступень выше, но делать это дома было крайне нежелательно. Вдруг мы бы там весь дом затопили? И прости прощай конспирация, о которой так сильно грезит Рудэус.

Я-то особо не верю в его эти сказки о инквизицию и прочих затаившихся убийц магов. Верно, никто же не поверит в эту чепуху? Мне двадцать семь, я ведь не какой-то там шкет...

Все же от полного принятия точки зрения брата меня отделяла книга по магии. Если магия запретна, то почему есть книга, да ещё и в свободном доступе?

— М-м, ну хорошо, я не против, — под моим напором щенячьих глаз из-под лба, её лицо размягчилось, словно она увидела самое милое существо на свете. — только с тобой пойдет Лили, ты ещё слишком мал, для таких прогулок.

О нет! Это ловушка!

Бог солнца, будь он более милостив, уже сменился бы на Луну. А облака, если бы получили уши и услышали мои мольбы, давно бы сгустились дабы пролить дождь. Стихия была не на моей стороне от слова совсем.

Усмотрев на краю сознания свою надзирательницу, что подобно дамокловом мечу, бдит и смотрит, как бы за мной проследить, не отрывая взгляда от моей макушки. Правда ли, что лучше бы она стояла рядом? Да ни в жизнь. Мне пришлось не мало сил потратить дабы в детской форме объяснить, как меня смущает её присутствие в непосредственной близости.

«Вам всего три года.» Ловко заметила Лили, не желая отклоняться от курса, назначенного мачехой. «Вообще-то, скоро четыре.» Мое замечание принялись в штыки.

Впрочем, надавив на жалость и спустив на то, что с ней поблизости я друзей не заведу, мне

удалось сломать её слабое место, уломать эту пышногрудую женщину на благо мне, а не себе. Обернувшись глаза встретились с её «фиолетовым небом». Шагов десять, если считать нормальными, взрослыми. Она даже не пытается скрыться или шпионить. Стоит в десяти шагах от меня и смотрит, не моргая!

«Жуть!» Чем я так выслужился, чтобы получить такой взгляд на себя? С меня уже пот начинает лить, женщина, остановись!

«Рудэус! Уверен она так на мне из-за тебя поганыша отыгрывается! Ещё раз её труссы тронешь я тебе покажу, что такое милостыня Милис.»

Моего надзорного пса надо бы скинуть прочь и уединиться в месте недоступным для людей. Возможно сейчас я и шагаю вперёд к самому краешку деревни, но дальше, уверен Лили поступит следующими образом: «Угрожающе приблизится, возьмёт на руки и понесет обратно, попутно отчитывая, что нельзя так далеко заходить.» А значит, надобно глазами подобрать место, в котором нет людей, но которое не столь далеко от деревни.

Глаза прошли по вертикали от ботинок и земли к горизонту и небу.

«Небесный цвет всегда манил своей изящностью. Помнится, мне, грезилась голова моя взлететь выше тёмных облаков, но все никак не находил на это время. Работа забирала так много этого времени, что ни на что другое у меня его больше не было. Хобби? Увлечения? Лишь вечная забота о своем теле и родителях».

Значит ли, что эту жизнь мне преподнесли как отпуск от постоянства? А что, звучит. Звучит как что-то, что никогда не произойдёт. Словно ускользающий, до щеколки, приятный сон, где у меня есть смыслённый брат, где мать с отцом все время ладят, а их отношение цветут и пахнут. Сон, в котором у меня нет забот, где я смотрю на небо, то чистое, голубое небо с вкраплениями облаков, и не могу проснуться, как бы не желал. Хотелось бы уверовать, что все это не симуляция, не подсланные мне воспоминания и что я сам их создаю, без злого умысла извне.

Горы, поля, леса... как много мне доводилось видеть такую привычную картину в жизни? На экране монитора или смартфона, все время, каждый раз, внимание следило только за ними. Смотреть на внешний мир? Спасибо, но видеть убитую, неверными шагами человечества, планету мне не хотелось.

А сейчас смотри, наслаждайся тем, чего не отобрали.

Вздыхнув поглубже и развернувшись на пятках, я приблизился к Лили, сократив разрыв до минимума. Пора бы закрывать весь этот цирк.

— Юный господин, что-то не так? Вам больше не стыдно находится так близко ко мне? — мне было показалось, или я услышал шутливый тон в её исполнении? Неужели услужил шутком и рассмешил я леди с каменным лицом? До чего греет душу такая реакция.

— По-прежнему стыдно, — ведь со стороны мы смотрелись не более чем сын с матерью, тогда как прошлый вариант походил на маньячку, которая приглядывается к жертве. Впрочем, с её то пронзительным взглядом в очках это и не удивительно.

— Но?

— Но тебе будет грустно, если я буду далеко, — это совершенно надуманная причина, по которой ребенок мог сблизиться, но именно потому что мне было четыре от меня и не

требовалось особо логических цепочек в размышлении. Все должно быть прямо и ровно как эскалация моей маны на тренировках.

Получив в свои руки объяснение мальчишки, Лили поутихла, да так, что мне казалось она сейчас скажет что-то неприятное. Шагая по правую руку, на шаг позади, мне не приходилось ещё видеть её лица. Какое оно было? Ну, чем дольше длилось молчание, тем больше мне казалось, что оно будет свирепым.

— Чт... — уже оборачивая голову, на мою макушку упала ладонь, и потрепала волосы. Не озвученный вопрос застрял в горле, когда на него ответили.

— Я очень рада, как вы заботитесь о мне.

Лишь тихо фыркнув и отбив ладонь, лишь так мне сумелось сохранить пунцовые щеки подальше от её глаз. С чего она так нежно это произнесла? Раньше ведь держала нас за дефективных небось.

Деревня представляла из себя то, чем и являлась. Название очень характерно её описывало, словно именно для этого места и придумали слово «Деревня». Будь оно чуть более неопрятно и оказалось бы захолустьем, а чуть более опрятным и стало бы местностью сельского типа. Так что деревня как никогда отражало её внутренности.

Люди, которые нам попадались, приветливо взмахивали, делая пас рукой: «Привет», на что награждались моим кивком. Дети помогали родителям или старшим братьям. Дома, как это странно не звучало, находились на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы идти от одного к другому заняло чуть больше пяти минут. Все дело в полях пшеницы, которые были засыпаны ею по самое не балуй. Встреченные мной селяне, к удивлению, приветливы и улыбчивы. Не смотря на сажу или грязь, эти люди казались в общей массе своей весёлыми.

— Почему?

— Простите, юный господин?

— Мне интересно, почему эти люди такие веселые, почему улыбаются?

«Почему их улыбки такие искренние?» Последний вопрос не вылетел из моего рта, и без того выдал слишком взрослые вопросы, но правда же...

У них нет и процентной доли тех благ, о которых я знаю, которыми насытился, которыми владел. Мне, кому достались знания и воспоминания двадцать третьего столетия, от рождества Христа, не было так весело. Моя жизнь подобила машинной с той разницей, что я был человеком и нуждался в сне, еде и отдыхе. Я был хуже машины. Почему им весело? Разве у них нет хлопот? Разве они вышли на уровень развития, когда весь ручной труд на себя взяли машины? Их заботы не переложились на других так почему? Разве их не волнует завтрашний день, они же должны беречь еду на зиму.

Неправильные люди мне попадались. Уверен все только из-за моего бегающего взора. Просто он замечает лишь улыбчивых и приветливых людей, напроць откидывая всех остальных, считая их привычными. Хех, как же эти мысли вгоняют меня в смех, ведь мне привычно видеть горесть и печаль чем радость и веселье.

«Лишь по праздникам, тебе дозволено улыбаться» разве не так говорила моя матушка?

«Не трать улыбку впустую, ведь только так ты сохранишь её на всю жизнь», отец казался мне достаточно рациональным.

— Эти люди счастливы, пока они живы, — голову словно укололи слова слетевшие с губ Лили. Непонятно какие это были слова. Приятные, сухие, мечтательные, далёкие, оправданные, понятные, или же неожиданные? Ни одно из них меня не удовлетворяло. Я мог разразиться тирадой, стихами или пьесой на двенадцать актов, завершая все трагическим финалом, но этого не потребовалось.

— Юный господин, смотрите, вот и дети подходящего вам возраста, — пригнувшись меня взяли за плечи и толкнули вперёд, где находилось трое детей. Все были мальчиками, и все дружно сидели около реки о чем-то болтали.

— Эй! — вырвавшись из захвата, сперва довелось помять себе плечи, отработать несколько ударов в воздух и лишь потом, под улыбочивый взор глаз Лили ступать вперёд. К детям.

А пока я шёл, моя голова полностью и целиком вела меня к моей победе. Она анализировала все события, не хуже суперкомпьютера основанном на квантовой механике, чем выводила новые переменные.

Первоначально, я собирался уйти подальше, и испробовать магию среднего ранга, чисто дабы прочувствовать её на практике, подобно Рудэусу, сей Нил, умеет изучать магию лишь раз её проверив. Зенит приказала Лили сопровождать меня, и в дальнейшем мне не довелось от неё избавиться или оторваться. Замысловатые маршруты та знала наизусть. Ещё бы, служанка всяко лучше ориентируется в деревне чем впервые ступивший за порог родительского дома юнец. Мне не хотелось дружить с детьми собственного биологического возраста, ни с мальчиками, ни с девочками, в этом смысла ноль. Они тупы как пробки и не свяжут мне предложение длиннее пяти слов, о чем я вообще с ними говорить могу? Разве что отключать голову да притворяться умалишённым.

Сколько на детей не смотри, а в конечном итоге умнее они от этого не становятся. Возможно, глотни мои губы энергетика или несколько баночек пива и желание нянчиться с детьми появилось бы, но сейчас я вижу их бесконечную глупость. Самое плохое, что мое поведение и мысли не позволяли над этим потешаться, ведь одно дело ребенок, который чего-то не знает в свои четыре и совсем другой, когда ты на том же уровне развития в сорок четыре.

Рудэус был даром с небес, чтобы не сойти с ума, я понял божественный замысел, я все понял!

Но эти дети...

Невозможно. Абсолютно невозможно!

«О, что это? Идея? Загорелась лампочка?»

Мысленно щелкнув пальцами в моих глазах загорелся огонёк.

С момента как я сделал первый шаг из тридцати, и до момента как в голову пришла идея, прошел я только четверть шага. Первого.

Все выше перечитанное случилось за жалкие ноль целых двадцать пять сотых секунды. Ха, да на моем лице возможно четко углядеть ухмылку.

Подойдя к малышне, которая крутилась у реки, мне довелось приветствовать всех одним

взмахом руки и дальнейшим именем. Не столь и велика была плата за дружбу, которая слетит к чертям, стоит нам к примеру, не видится год с небольшим. Впрочем, я никак не отрицаю, есть люди, дружба с которыми не будет представлять собой заведомо проигрышную ситуацию.

Дети в этом возрасте дружат потому что. Без причины и, как я считаю, такая дружба самая слабая. Ведь если дружишь ни за что, то так же можешь не дружить. Дружить надо за характер, за человека и его поведение.

Но, я отклонился. Чуть кашлянув в кулачок, и развернув корпус к Лили, я нащупал её глазами, и оценил то, на что она смотрела. А глядела она не на меня, видимо успокоила себя и отвела взгляд в сторону. Ясно, расслабилась значит?

Тогда же, попутно отвечая на вопрос: «А откуда ты?» произошло чудо. Из реки появилось щупальце и ухватило малька за собой. Резкий писк, наша реакция была мгновенной. Все застыли с неверием глядя на то, как парня уносило течением все дальше. Он не успел и слова сказать, лишь я...

— Лили!

Крикнул, что есть мочи, и меня поняли с максимально правильным посылом. Это был крик, который заставлял действовать. Странная синхронизация со служанкой произошла на секунду, но её хватило с достатком. Лили бросилась за мальчиком в реку.

Тогда же, мои ноги отступили. Пока все внимание забирала она, девушка, спасавшая мальчика из реки, я отступал назад. Взобравшись на овраг и рванул, что есть мочи оттуда. Тело плохо ещё слушалось, ноги как ватные, подкосились об корень дерева. Рухнув вниз, нос пронзила острая боль. Не только нос, но его в первую очередь. Пошла кровь, правда на это сие глупейшество не обращало внимание. Глаза видели прекрасные овраги, рощи и поляны. Все те места пестрили темными пятнами, в которых можно спрятаться.

В один такой я и засел, переводя дух.

Тяжело дышавший Нил с разбитым носом, совсем-совсем не то, чего я добивался. В голове все было проще и умнее. Там и мальчик был легче, и магия поддавалась проще. Только Лили, она действовала как задумывалось, без размышлений. Даже я, я затормозил, когда потянул мальчика в воду, подобно машине, которая врезалась в стену.

«Магия, точно. Только магия». Вспомни, ради чего все эти ухищрения! Ради того, чего не было в моем мире.

Прыснув тихим кашлем в кулачок, я вытянул пергамент. Небольшая лента, на которую я вывел слова, ключи активаторы самой магии следующего уровня. Она слегка испачкалась кровью с пальцев, на что мои губы тихо выругались. Какая нелепость, все закончится вот так?

«Потому что, я облажался? Прости мальчик, которого я схватил, твоя жертва была напрасной... Нет!»

Был же, в памяти моей изменчивой, должны, остаться первые строки заклинания, которые сейчас закрывала кровь.

— Изменчивый дух воды и принцесса потоков, — отлично, внутри на уровне собственных ощущений произошел толчок. Мне нужен он. Толчок от магии воды, который наведет мою магию в русло правильной реки. — которые текут по земле, — простые слова не имеют

значений, но именно сейчас, вокруг затрепетали цветы и травы. Их щёлкнул по носу туман, что слушался меня подобно верному псу. — смети все своей скрытой внутренней силой, Вотер Флоу!

Перед рукой явился шар воды, но вместо обычного, в нем ощущалась набирающая сила, бушующая сила, не подходящая воде. Текучая и гибкая, сейчас она направлялась далеко не легко. И всю эту мощь я должен был выпустить, спустить как делает Альфа, когда командует дикими псами, заклинание рычало на меня, желая освободиться, пойти в пляс и уничтожить все на пути.

Дикая магия, свирепая магия, неизученная магия.

«То, что ещё должно приручить». Такими словам в дальнейшем я охарактеризую магию этого мира.

А сейчас.

— А! — не ожидая такого напора, водяной шар вылетел вперёд, сметая все цветы, травы и пробивая твердую кору деревьев. Одно, два, три... Возможно ли, что заклинание продвинутого уровня не в два раза сильнее прошлого? Или же, я влил слишком много маны? Если сравнивать, то водяной шар был уровнем один, а это... двадцать.

Привстав, мой взгляд будто приковали к тому длинному яру, что образовался после заклинания. Внутри поднимался тот же шторм чувств, как когда впервые использовал заклинание.

«Магия — чудесна» всегда, как в первый раз, все время, что-то новое и неизвестное.

Две тысячи триста пятьдесят седьмой, был годом, когда человек бороздил космос уже больше семидесяти лет.

Я родился в слишком развитом мире, чтобы открывать что-то новое, я родился в чрезмерно скучном, пустом глазу мире, где человек — единственный, кто себя развлекает.

Но не сейчас. Сейчас я в самом начале, у истока. Без сомнения, дикая магия...

— Я приручу тебя, изучу и выучу.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/2716368>